

УДК 1 (091)

Истоки философии М.А. Бакунина

А.Г. Кассиров

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье рассматривается исследование М.А. Бакуниным немецкой философии, которая придает ценность всем другим видам знания, выявляя вопрос о назначении человека.

Abstract. The paper considers the research of German philosophy by M. Bakunin. He thought it to be important to all other kinds of knowledge revealing the issue of man's purpose.

Ключевые слова: русская философия, немецкая классическая философия, антропология, трансцендентальная философия, философия истории, философия духа, познание, истина

Key words: Russian philosophy, German classical philosophy, anthropology, transcendental philosophy, philosophy of history, philosophy of spirit, cognition, truth

1. Введение

На формирование воззрений молодого М.А. Бакунина по вопросу о месте человека в этом мире значительное влияние оказало его участие в кружке Н.В. Станкевича, собравшем людей, имевших разные философские взгляды, но объединенных душевной болью за судьбу России.

Кружок Н.В. Станкевича, как и всякий товарищеский или дружеский кружок такого рода, разумеется, не имел никакого устава, и даже трудно указать, как и с какого именно времени он сложился. К.С. Аксаков, вспоминая студенчество, указывает, что у Н.В. Станкевича собирались дружившие с ним студенты и некоторые его товарищи, из которых интереснее других был И.П. Ключников (поэт, печатавший элегии и юмористические стихотворения). В 1835 и 1836 годах кружок обогатился новыми замечательными членами, и первым к нему присоединился М.А. Бакунин, вернувшийся с военной службы в семью. Затем через В.Г. Белинского к кружку присоединился В.П. Боткин, один из оригинальных людей того времени. Несомненно, центральным вопросом кружка, объединявшим его членов в одно целое, был *вопрос о назначении человека*, и ради его разрешения члены кружка довольно рано обратились к изучению философии. Обильное чтение философских или соприкасающихся с философией книг и статей, наряду с серьезным знакомством с новейшей литературой – французской, немецкой и русской, довольно скоро помогает Н.В. Станкевичу и его друзьям составить собственное мировоззрение, близко к шеллингианскому, хотя в то время у них не было еще сколько-нибудь серьезного знакомства с системой Ф. Шеллинга. Кружок Н.В. Станкевича отличался самостоятельностью мнения, свободой от всякого авторитета; позднее эта свобода перешла в буйное отрицание авторитета, выражавшееся в критических статьях В.Г. Белинского. Н.В. Станкевич попытался даже изложить свое мировоззрение в небольшом очерке под названием "Моя метафизика", который он отправил в виде письма своему другу Я.М. Неверову. Первая строка этого очерка, признающая значение опыта, напоминает первые строки трансцендентальной эстетики И. Канта (в "Критике чистого разума"), затем следуют положения, перекликающиеся пантеистическими взглядами Б. Спинозы, после чего автор обнаруживает стремление к монистическому взгляду на природу и разум в духе Ф. Шеллинга.

2. Эволюция философских взглядов М.А. Бакунина

Михаил Бакунин, ощущая недостаток образования, полученного в артиллерийском училище, повышал свой умственный багаж чтением разнообразных книг, впрочем, без всякой системы и плана. Однако, несомненно, все это время голова его работала над выработкой определенного мирозерцания и над решением вопроса о назначении человека. Михаил Александрович уже определенно решил в это время, отчасти, может быть, под влиянием Н.В. Станкевича, посвятить себя вовсе не службе в какой-нибудь канцелярии, а серьезным научным занятиям. У него для его возраста были продуманные и довольно глубокие взгляды на внешний мир и назначение человека. Это видно из письма, написанного Михаилом Н.А. Беер по-французски: "Я человек обстоятельств, и рука Божья начертала в моем сердце эти священные слова, которые обнимают все мое существование: *он не будет жить для себя!* Я хочу осуществить это прекрасное будущее, я сделаюсь достоин его! Быть в состоянии всем пожертвовать для этой священной цели – вот мое единственное честолюбие. Нет – это истина, которую я чувствую, которую я постигаю, в которой я убедился *познанием собственного существа!* Жизнь человека, подобно жизни человечества, есть последовательное и прогрессивное развитие всех чувств и всех идей. А каковы же главные идеи жизни? Это – любовь к людям, к человечеству и стремление ко «Всему», к

совершенствованию. Жизнь его – это стремление к свободе, к соединению со всем, выражение его жизни – любовь, это основной элемент Предвечного. Вот откуда происходит симпатия одного человека к другому, человека ко всему роду человеческому, человека к совершенствованию человечества" (Корнилов, 1915). Разумеется, утверждение, что он не будет жить для себя напыщенно и отдает самонадеянностью, как и весь тон письма. Однако нельзя не признать, что во взгляде на свое назначение М.А. Бакунин остался верен себе до конца жизни.

Из письма, написанного для Н.А. Беер, можно достаточно ясно представить мировоззрение М.А. Бакунина, выработанное им ещё до знакомства с Н.В. Станкевичем. Он немало успел продумать и переработать в своей голове запас идей, видя главное назначение человека в любви. Дойдя до отождествления Природы с Идеей, он стремится к полному подчинению идеей природы. Это стремление к идеализму и послужило, вместе с одинаковыми взглядами на назначение человека, основой для быстрого сближения с Н.В. Станкевичем.

А.И. Герцен, не бывший непосредственным свидетелем сближения М.А. Бакунина и Н.В. Станкевича, представляет их взаимоотношения в ином виде. (Герцен был в это время в ссылке в Вятке.) По версии А.И. Герцена, в момент встречи Михаил представлял из себя человека, тяготящегося окружающей обстановкой и не знающего совершенно, что с собой делать, и только Н.В. Станкевич усадил его за немецкую философию, к усвоению которой он проявил необыкновенный талант.

Михаил Бакунин, вступая в кружок Н.В. Станкевича, был идейно настроенным, очень самонадеянным и честолюбивым юношей, который сознательно пренебрегал всякой обыденной, житейской карьерой, при его способностях и связях вовсе для него не трудной, ради выполнения своего назначения. На все трудности и опасности избранного им пути, которые для других были очевидны, он не обращал никакого внимания. Что касается Н.В. Станкевича, то он высоко оценивал не только диалектические способности своего нового друга, но и его оригинальный этический взгляд, и его смелые планы. Обменявшись своими философскими взглядами и планами на будущее, оба признавали целесообразным приступить к изучению И. Канта. Н.В. Станкевич переслал Михаилу свой экземпляр "Критики чистого разума". Чтобы возвести свое горячее убеждение на степень знания, необходимо хорошенько изучить основание, на котором утверждается новая немецкая философия. Это основание – философская концепция И. Канта. Как только началось изучение И. Канта, тотчас потребовались комментарии и исследование дополнительной литературы. М.А. Бакунин посвятил все своё время серьезным научным занятиям и приложил необходимые усилия для усвоения "Критики чистого разума". Изучение И. Канта в какие-нибудь два-три месяца далеко не легко для человека, мало подготовленного к чтению серьезных умозрительных сочинений, даже при условии спокойных и усидчивых занятий. Сколько-нибудь серьезное изучение его за такой период надо признать просто невыполнимым. Но Михаил мог свободно обсуждать не только сомнения и недоумения, возникавшие у Н.В. Станкевича при чтении И. Канта в области трансцендентальной логики, но, благодаря выдающимся диалектическим способностям, мог яснее схватывать трудные отвлеченности кантовской системы. В это же время в письмах встречается немало высказываний о погружении его в сферу религиозной мысли. Этому обстоятельству вполне соответствует тот факт, что от И. Канта он перешел к изучению теории знания И.Г. Фихте, и даже не к его книге "О назначении человека", в которой воспроизводятся основные черты его философской концепции, а к тем его сочинениям, которые соответствовали непосредственным запросам и настроению самого М.А. Бакунина. Он начал читать в это время сравнительно популярные лекции И.Г. Фихте "О назначении ученых", перевод которых он поместил в "Телескопе" Н.И. Надеждина по просьбе В.Г. Белинского, и прямо зачитывался трактатом по философии религии. Учение И.Г. Фихте о религии связано теснейшим образом с основным его учением, с его теорией знания. Сам он считал свое учение о религии завершением и самой высшей точкой последовательного развития своей философской системы. Жизнь, по учению Фихте, есть стремление к блаженству. И.Г. Фихте блаженство отождествляет с самой жизнью, а стремление к соединению с объектом влечения он называет любовью. Любовь выше всякого разума, она сама источник разума, она основа реальности и единственный творец жизни и времени; этим он ясно выражает самую высшую точку зрения учения о бытии, о жизни и о блаженстве. По И.Г. Фихте, принцип всякого знания есть самосознание, а принцип всякого самосознания есть абсолютное единство бытия и знания, полное тождество субъекта (познающего) и объекта (познаваемого), без чего не может существовать и само сознание. Абсолютную тождественность, составляющую основу самосознания, И.Г. Фихте называет истинно действительным Бытием, или Абсолютом. Возвращение самосознания к своей основе, постижение вечного выходит за пределы полагаемого обычным познанием разделения бытия и знания – это и есть, по И.Г. Фихте, сущность религии. Изложив свою теорию религии, И.Г. Фихте старается доказать, что взгляды его вполне совпадают с взглядом евангелиста Иоанна, которого он признает истинным изобразителем христианской веры. Совпадение религиозных воззрений И.Г. Фихте с воззрением первобытного недогматического

христианства было существенно для М.А. Бакунина в его пропаганде фихтеанских взглядов. И.Г. Фихте, говоря о различных точках зрения на благостную жизнь, указывает, что на низшей ступени человеческого мировоззрения человек ищет блаженства в удовлетворении каких-либо материальных потребностей и стремлений. Вторая ступень мировоззрения соответствует точке зрения догматическо-аскетической морали: блаженство усматривается в исполнении формального долга. И только на высшей ступени дается религиозная любовь к людям. Таковы были религиозные взгляды, найденные М.А. Бакуниным в "Наставлении к блаженной жизни". Нельзя не увидеть из его переписки, что эти взгляды во многом совпадали с его собственными или во всяком случае вполне соответствовали настроению. Стремление составить самостоятельное религиозное мировоззрение сопровождалось раскаянием в своих юношеских грехах и поступках. Убеждения, приобретенные Михаилом Александровичем из сочинений И.Г. Фихте, близко подошедшие к его взглядам, дали ему богатый арсенал для пропаганды своих идей и чрезвычайно удобную для него опору при построении и развитии уже отчасти созревших планов относительно своей будущей деятельности. В письмах Михаил Бакунин говорит о желании создать замкнутый братский кружок и мечтает исключительно о создании гармонии между внутренней и внешней жизнью. Любовь к человечеству принимает более определенный и деятельный характер, ставится задача преобразования внешней жизни, освобождения всего человечества и даже всего мира от всякого рабства. Здесь видно логическое развитие мыслей М.А. Бакунина под влиянием И.Г. Фихте. Если бы мыслительный процесс совершался последовательно и беспрепятственно, то должен привести к идеям христианского анархизма, основанного на любви, аналогичного учению Льва Толстого. Несмотря на то, что во второй половине своей жизни М.А. Бакунин отрицательно относился ко всякой религии и всякой метафизике, в сущности, не так трудно было бы создать соединительный мост между его фихтеанскими взглядами конца 1830-х годов и анархическим учением конца его жизни. В 30-е годы его проповедь дала ему страстных последователей не только в недрах его семейства. Её могущественное влияние испытали на себе в большей или меньшей степени все его замечательные друзья той эпохи. Сильнее других она отразилась на взглядах и развитии В.Г. Белинского.

В.Г. Белинский был "кость от костей" кружка Н.В. Станкевича с самого его возникновения. Усвоив шеллингианский взгляд на жизнь, и на роль в ней человека, В.Г. Белинский до встречи с М.А. Бакуниным не отдавал себе ясного отчета относительно теории познания, которой придерживался. По приезду в Премухино он сразу подвергся усиленному воздействию Михаила, попав в сферу его умственного и нравственного влияния. В статье о незамысловатой философской книжке Дроздова "Опыт системы нравственной философии" он в обычной вдохновенной форме изложил новые мысли и взгляды на жизнь, которые он воспринял из философских бесед с Михаилом Александровичем. Он быстро и глубоко сблизился с членами столь пленившего его премухинского мира, жившего в то время идеями, взятыми у И.Г. Фихте и внесенными в тесный семейный кружок М.А. Бакуниным. Статья В.Г. Белинского давала не особо интересный отчет о содержании разбираемой книги, но после нескольких критических замечаний, всецело проникнутых субъективно-идеалистическим взглядом фихтеанской теории познания, переходила незаметно в страстное изложение новых религиозных понятий и взглядов самого критика. "Человек, – писал Белинский, – должен стремиться к совершенству и поставлять свое блаженство только в том, что сообразно с его долгом, вот основной закон нравственности" (Корнилов, 1915). Статья всецело отразила настроения В.Г. Белинского во время краткого фихтеанского периода его развития.

Вначале знакомство М.А. Бакунина с гегелевской философией было поверхностным, так как И.Г. Фихте продолжал еще господствовать в нем, создавал импульсы к восторженным декларациям. В письме от 20 февраля 1837 года, говоря о своих братьях, он обнаруживает знакомство с классификацией возрастов, изложенной Г. Гегелем в антропологии. Он даже прямо ссылается на Г. Гегеля в одном месте. "Чтобы знать и понимать, – пишет Бакунин, – надо иметь, что знать и что понимать; человек же не имеет другого объекта (познания) кроме самого себя. И если этот объект не включает в себе всех необходимых для развития элементов, то и развитие для него невозможно. В жизни человека три периода: инстинктивная жизнь разума – привычка; жизнь интеллекта, не пришедшего к самосознанию, – чувство; жизнь интеллекта, пришедшего к самосознанию, – мысль, любовь абсолютная. Инстинктивная гармония, чувственная гармония возрастает в гармонии мысли" (Корнилов, 1915). Михаил Александрович усидчиво занимался философией в Премухине летом и осенью 1837 года, что видно из сохранившихся в архиве составленных им тогда конспектов всех прочитанных им сочинений. Первый по времени конспект составлен по сочинению одного из современников Г. Гегеля, противника идеализма В. Траутгота Круга, – того самого В.Т. Круга, которого Г. Гегель беспощадно разнес в "Критическом журнале" 1802 г. как типичного представителя философского эклектизма, идущего рука об руку с так называемым здравым человеческим рассудком. С начала июля он приступил к чтению "Феноменологии духа". Конспект начинается на немецком, а со второй страницы переходит на русский. Для интеллигентного читателя

одолеть систему Г. Гегеля составляет немалый труд и требует значительного напряжения и сосредоточения мысли. Труд освоения гегелевской концепции представляется подвигом, тем более, что русские читатели не располагали ни сколько-нибудь основательной подготовкой в виде хорошего знания древней истории и новой философии, ни надежными комментариями. Наиболее доступными были сочинения Кузена или Баршу де Феноева, которые могли скорее сбить с верного пути, нежели направить на него. Вместо того, чтобы продолжить чтение, М.А. Бакунин возвращается к началу и в четвертый раз начинает изложение в конспекте первой главы. Испытав всю трудность овладения феноменологией Гегеля, Михаил отступил от этой твердыни и принял за "Энциклопедию", начав с предисловия. Гегель говорит (так начинается первый его конспект по энциклопедии), что главным предметом его философских занятий всегда было *научообразное познание истины*, что это самый трудный путь, но зато единственный для достижения Истины. Изложив все три предисловия к трем последовательным изданиям "Энциклопедии", М.А. Бакунин переходит к введению и подробно излагает его по параграфам, весьма точно воспроизводя на русском языке замысловатые немецкие выражения Гегеля. Этот конспект изложен так, что его и сейчас можно читать с удовольствием как хорошо написанную статью о трудном философском предмете. Введение в "Энциклопедию" Гегеля имеет задачу дать ясное представление о задачах и содержании философии как отвлеченной научной системы. При этом Гегель полемизирует с распространенными в обществе представлениями о философии и указывает, что хотя содержание философии является развитием Идеи, Духа, но философия, в сущности, не имеет другого предмета, кроме действительности.

При этом он повторяет ту формулу, которая впервые была им приведена во введении к "Философии права":

***что разумно, то действительно, и
что действительно, то разумно.***

Г. Гегель тут именно замечает, что под действительностью не может быть понимаема всякая повседневная действительность, которую он признает призрачной, а лишь такая действительность, в которой исключены все призрачные преходящие явления, причем ссылаясь на опыт и чувственное созерцание, которое отличает преходящие явления от истинной действительности. Замечательно, что М.А. Бакунин уже в этом конспекте вполне точно передал содержание этого важного аспекта для правильного понимания гегелевской философии.

Параллельно с этими двумя конспектами по "Феноменологии" и "Энциклопедии" Михаил Александрович составлял третий конспект по той части гегелевской системы, к которой у него был самый непосредственный интерес – по философии религии. После первого ознакомления с содержанием отдельных частей гегелевской философии М.А. Бакунин решил серьезно приступить к изучению Гегеля и в сентябре 1837 года составляет новые конспекты по "Феноменологии духа" и по "Энциклопедии", которые опять стал читать параллельно. Нельзя не удивиться этому приему исследования философии. Общее содержание всех частей гегелевской системы составляет саморазвитие абсолюта. Жизнь как духовная, так и физическая, является с точки зрения Г. Гегеля не чем иным, как саморазвитием и проявлением вечной абсолютной Идеи. При этом сам Г. Гегель в своей "Логике" делает предостережение против всякой попытки поверхностного и отрывочного изучения отдельных частей его системы.

В "Феноменологии духа" методически описаны ступени развития сознания, ведущие от чувственной достоверности до высшей ступени, на которой начинается абсолютное знание. Вторая часть "Феноменологии духа" составляет систему абсолютного знания, которая распадается на три больших отдела, причем каждый из них последовательно вытекает из предыдущего. Первый отдел – логика – наука об абсолютной идее; второй – философия природы – наука об идее в её "инойбытии"; третий – философия духа – наука о самосознающей идее. Она, в свою очередь, разделяется на три части: на науки о субъективном, объективном и абсолютном духе. В состав науки *о субъективном* духе входят, употребляя терминологию Г. Гегеля, антропология, феноменология и психология в собственном смысле. В состав науки *об объективном* духе входят философия права (тут же и учение о государстве) и философия истории. В состав науки *об абсолютном* духе входят философия искусства (эстетика), философия религии и философия истории философии. Несомненно, что человеку, желающему овладеть гегелевской системой, именно в этом порядке и следует изучать сочинения Г. Гегеля, но М.А. Бакунину приходилось изучать философскую концепцию без всякого руководителя. Михаил Александрович дважды составлял конспекты для понимания всего трактата, особо сосредотачиваясь на диалектическом методе, который подробно освещен в логике и составляет существенную черту всей системы Г. Гегеля. Но затем, перейдя к первой книге "Феноменологии", он в шестой раз составил конспект по первой главе и дальше этого опять не пошел. Если судить по сохранившимся конспектам, то в 1837-1838 годах он "Феноменологию духа" так и не осилил.

"Энциклопедию" он читал параллельно и продолжал её читать и тогда, когда оставил "Феноменологию". Однако полного конспекта "Энциклопедии" или даже первой её части "Логики" в архиве не сохранилось. Сохранились лишь отрывочные заметки и конспекты отдельных глав, причем к некоторым главам "Логики" Михаил опять возвращался по несколько раз. Так, например, он три раза составлял конспект того параграфа "Логики", в котором изложено понятие Идеи как абсолютного единства понятия и объективности. М.А. Бакунин приступил к исследованию философии природы – к изучению развития идеи в её "инобытии", конспектируя при этом только те параграфы, на которых почему-либо останавливалось его внимание. Окончив философию природы, он перешел к философии духа, но от этого чтения сохранилось лишь несколько разрозненных листов конспектов. *"Философия, как самостоятельное развитие и очищение мысли, есть человеческая наука, потому что она содержит в себе могущество Благодати, очищение человека от призрака и соединение его с Богом. Гений есть живое сознание современной действительности"* (Корнилов, 1915). Сделанная выписка совершенно точно фиксирует то впечатление, те взгляды, которые Михаил Бакунин вынес из непосредственного знакомства с сочинениями Г. Гегеля.

Едва проникшись новыми взглядами гегелевской системы, Михаил, по свойству своей натуры, уже спешил сообщить их близким своим. В письме к братьям сообщает, что доволен своими занятиями и благодаря им навел порядок в своей умственной жизни. "Что раз связано в Истине, – писал он им, – связано навсегда, и никто и ничто не в силах разорвать нашего святого союза, – святого потому, что основание и содержание его святы. Нас соединяет наша общая человечность, наше общее стремление жить в истине и быть живыми членами живой и истинной действительности. Друзья мои, жизнь прекрасна для того, кто освободился от призраков и кто знает, что остальные призраки, застилающие горизонт его, не что иное, как призраки, от которых он может и должен освободиться. Главное, быть здоровым, свежим и деятельным человеком, – каждая минута его должна быть наполнена общим содержанием его жизни. И вы, друзья мои, должны воспитать в себе эту энергию души, которая переносит все обстоятельства, которая удерживает себя везде и всегда. Это необходимое условие жизни. Это главное определение индивидуальности, это вся сила её, – в этом заключается её бесконечность. Индивид заключает в себе бесконечность. Бесконечность есть его сущность, бесконечность, которая выносит его из всех бурь жизни и которая рано или поздно должна наполниться истинным содержанием" (Корнилов, 1915). Душа его была полна новыми идеями и новыми настроениями, полученными от знакомства с Г. Гегелем. Михаил продолжал в Москве углубляться в философию Г. Гегеля, вновь перечитывая "Энциклопедию", беседуя о прочитанном с друзьями, и особенно внутренне продумывая, переосмысливая и переживая вычитанные гегелевские идеи, стараясь глубже постигнуть сам дух и метод его системы. "Новые элементы и потребности, так недавно вступившие в мою жизнь, еще не подчинились моему субъективному единству (это чисто гегелевский способ выражения), еще не пришли друг с другом в гармонию, и необходимое следствие этого внутреннее страдание, внутренняя борьба посещают меня чаще, чем когда-нибудь. Но я не боюсь этих страданий, – чем больше страдания жизни перенесенные человеком, тем должно выше его примирение в благодати. Страдание есть признак движения вперед, а движение есть признак живого источника жизни, а где есть жизнь, там и любовь, и блаженство, и все прекрасное и истинное. Теперь я стремлюсь к самообладанию, – не к холодному и призрачному покорению себя, а к субъективному единству того, что гармонично и едино в моей субстанции" (Корнилов, 1915).

Издатель и знаток русской литературы С.А. Венгеров считает первым виновником и родоначальником самостоятельного русского гегелианства М.А. Бакунина, как автора статьи в новом "Московском Наблюдателе". Он признает это гегелианство совершенно оригинальным, специфическим русским явлением, даже не искажением Гегеля, а самостоятельным русским учением. С.А. Венгеров содержание гегелевской системы представляет произвольно. Нельзя отрицать, что блестящая статья М.А. Бакунина, при внимательном рассмотрении обнаруживающая вполне правильное усвоение гегелевской системы, тем не менее из-за своей краткости при чрезвычайной широте и многозначительности содержания легко могла ввести во многие недоразумения людей, плохо или совершенно не знавших учение Гегеля, что и случилось с самим С.А. Венгеровым. Статья была направлена, как и все политические статьи, против легкомысленного и дешевого либерализма. Она была совершенно в духе Г. Гегеля и требовала не прислуживания властям, а серьезного и вдумчивого отношения к историческим и национальным условиям развития русской жизни. Именно в этом смысле следует понимать и заключительные строки этой статьи: "Да, счастье не в призраке, не в отвлеченном сне, а в живой действительности; восставать против действительности и убивать в себе всякий живой источник жизни – одно и то же; примирение с действительностью во всех отношениях и во всех сферах жизни – есть великая задача нашего времени. Будем надеяться, что новое поколение сроднится наконец с нашей русской действительностью, и что, оставив все пустые претензии на гениальность, оно ощутит в

себе законную потребность быть действительными русскими людьми" (Корнилов, 1915). Читая этот призыв в настоящее время, едва ли нужно говорить, что М.А. Бакунину невозможно было представить, какой смысл приобретут эти термины в XX-XXI веках.

3. Заключение

Осознав невозможность пополнить свои знания в России, М.А. Бакунин задумывается о продолжении образования за границей, но ему не удается достать средств на поездку в Берлин. Он не может заниматься ни хозяйством, ни военной или гражданской службой, его потребность – бессознательная, почти инстинктивная жажда знаний. Михаил пишет своим родителям, что для действительного достижения своей цели ему нужно учиться и всеми силами стараться приобрести классическое образование, которого он не имеет и без которого он остается дилетантом, т.е. пустым человеком, бесполезным для себя и для других. М.А. Бакунин осознал, что **анархия умов и произвольность во мнениях совершенно противоположны знаниям, а в истинных знаниях царствует дисциплина**, без дисциплины нет знаний. Н.П. Огарев, описывая своих новых знакомых, писал о Бакуине Герцену, что Бакунин погружается в философию Г. Гегеля, когда один или с кем-нибудь, так, что не слышит, что говорят, и расцветает, где беседы и диспуты на различные и часто философские темы. А.И. Герцен, вернувшись из ссылки, совершенно определенно рассказывал, что в Москве происходили первые горячие споры с В.Г. Белинским о разумной действительности и существующем строе, в которых принимал участие и М.А. Бакунин. Александр Иванович, видя мучительную жажду Михаила ехать в Берлин за наукой и томительную неизвестность, в которую его повергло молчание родителей, обещал по возможности помочь со своей стороны и со стороны своих друзей. Михаил Александрович берет деньги не для удовлетворения пустых фантазий, а для достижения единственной цели своей жизни – знаний. Все остальное он получит от родителей или заработает собственными трудами.

Смерть Н.В. Станкевича, по крайней мере, не должна была быть неожиданностью для его друзей. Тем не менее, на всех их она произвела впечатление тяжелого удара судьбы. Удар этот они почувствовали каждый по-своему. Смерть Н.В. Станкевича отозвалась не только в кругу его близких друзей. Даже такой чуждый ему человек, как М.И. Погодин, счел своим долгом помянуть его в "Москвитяине": "Станкевич, надежда науки, надежда отечества, предался философии и в два года приобрел такие познания, что знаменитые берлинские профессора поклонялись его светлой голове, его блистательным способностям. Злая чахотка низвела его в могилу" (Корнилов, 1915). Друзья и товарищи Н.В. Станкевича ошиблись, когда думали, что память о нем исчезнет с их жизнью. Они сами оставили слишком яркий след в русской жизни, чтобы память о том, кто имел влияние на образование и развитие их идей, могла когда-нибудь исчезнуть. Роль Н.В. Станкевича в истории русского общества и русской литературы уже давно получила справедливую оценку.

Со смертью Н.В. Станкевича, переездом В.Г. Белинского в Петербург и с отъездом за границу М.А. Бакунина кружок практически прекратил свое существование. Михаил Александрович уехал за границу, разорвал почти все свои дружеские связи в России, погрузившись с головой в европейские интересы и в общеевропейскую, идейную борьбу, тогда развивавшуюся. Лишь спустя несколько лет возобновились его связи с русскими друзьями, причем к ним присоединились и новые лица.

Литература

Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина (из истории русского романтизма). М., Издание М. и С. Сабашниковых, 1915.